
РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ МАТРИЦА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Шапкин И. Н., Воскресенская Н. О.*

Глобализация – это объективная реальность нашего времени. Человечество вступило на эту исторически predeterminedную дорогу не случайно, а закономерно. Однако возникновение и ускорение глобальных процессов отнюдь не гарантирует успех в каждой отдельной стране. Критическое воздействие на траекторию движения государств оказывают формальные и неформальные национальные институты, в том числе институциональная матрица, отражающая прошлое страны и содержащая информацию о ее будущем развитии, заданном во многом ее «базовым элементом» – национальной ментальностью, которая напрямую зависит от генетического кода каждого отдельного социума. Анализу российской институциональной матрицы и посвящена данная статья.

Ключевые слова: глобализация, российская институциональная матрица, формальные институты, неформальные институты, матрица восточная, матрица западная, национальная психология, русская экономическая ментальность, психологические институциональные ловушки, генетика, эгоизм, альтруизм, кооперативное поведение, политические предпочтения.

Globalization is an objective reality of our time. Mankind has entered this historically determined pathway not by chance, but as a logical outcome. However, the emergence and acceleration of global processes does not guarantee success for each individual country. The critical impact on the trajectory of countries is produced by formal and informal national institutions, including an institutional matrix that reflects the past of a country and contains information about its future development; the latter in many respects is determined by the basic element – the national mentality, which depends on the genetic code of each individual society. This article is devoted to the analysis of the Russian institutional matrix.

Keywords: globalization, Russian institutional matrix, formal institutions, informal institutions, Eastern matrix, Western matrix, national psychology, Russian economic mentality, psychological institutional traps, genetics, selfishness, altruism, cooperative behavior, political preferences.

* Шапкин Игорь Николаевич – д. э. н., профессор, заведующий кафедрой «Экономическая история и история экономических учений» Финансового университета при Правительстве РФ (Москва). E-mail: history.uf@yandex.ru.

Воскресенская Нина Олеговна – к. и. н., доцент кафедры «Экономическая история и история экономических учений» Финансового университета при Правительстве РФ (Москва). E-mail: ninaolvoskr@gmail.com.

Нет ничего более практического, чем хорошая теория.

Г. Р. Кирхгоф

Национальный характер... содержит в себе зародыш, из которого развивается история наций.

Г. В. Ф. Гегель

Глобализация, объективный процесс новейшей истории, обещая человечеству весьма значительные выгоды, одновременно представляет ему ряд принципиальных условий, без выполнения которых все ее преимущества способны обернуться лишь клубком чрезвычайно трудно решаемых глобальных проблем [Чумаков 2015]. Главное ее требование к народам мира: их готовность идти на компромисс, координировать усилия и действовать сообща – может быть достигнуто только на основе их взаимопонимания, что невозможно без самопонимания: народы должны знать «себя» – свои сильные и слабые стороны. Важнейшую роль в самопознании народа играет историческая наука. Исследуя факты национального бытия, она использует разные методы анализа; однако ряд вопросов исключительной важности не поддаются должному изучению с помощью традиционных для истории методов и нуждаются в помощи других наук, иногда самых неожиданных [Ковальченко 1987]. О ключевом элементе российской истории, знание которого необходимо для оценки национальных перспектив в глобальном мире, и новейших методах его изучения пойдет речь в данной статье.

Известно, что устойчивые связи между людьми, обеспечивающие все основные параметры их взаимодействия, задаются *институтами* – формальными и неформальными правилами, лежащими в основе функционирования любого социума.

Формальные институты (правила), организованные в виде иерархии законов и административных актов, являются продуктом целенаправленной деятельности государства. Издавая формальные правила, государство принуждает общество соблюдать их и контролирует их выполнение; их нарушение влечет за собой формализованное наказание со стороны государства. Признав, что государство как системообразующий политико-социальный институт является ведущей силой функционирования общества в целом, сделаем вывод, что политические институты юридически первичны по отношению к институтам экономическим. Существуют ли институты, первичные по отношению к политическим? Для ответа на этот вопрос обратимся к анализу неформальных институтов.

Неформальные институты (правила) – общепринятые нормы поведения индивидов – не будучи закрепленными в законах, тем не менее вполне определенно регулируют бытовые и официальные взаимоотношения людей, пусть и не в столь жестко формализованной манере, как это делают правовые нормы. Общество одобряет и поддерживает тех, кто исполняет эти неформальные правила; нарушение их обычно карается не санкциями со стороны государственных структур, а общественным осуждением, которое, впрочем, может быть не менее действенным. Неформальные институты, играя огромную роль в жизни общества, должны быть предметом самого пристального изучения. Однако точное их описание, систематизация, установление их внутренних взаимосвязей, силы их влияния на

частную и общественную жизнь – именно ввиду их неформального, неочевидного, часто завуалированного характера – является задачей чрезвычайно сложной, думается, значительно более сложной, чем изучение институтов формальных. Затрудняет их изучение и то, что неформальные нормы нередко вообще не имеют письменного оформления: письменность господствует лишь в правовой, религиозной и этической сферах. Будучи трудноуловимыми, они, однако, составляют обширную область в жизни человека, закрепляясь в виде обычаев, приличий, форм поведения. «Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-либо народу», – писал А. С. Пушкин [1937–1949: 40].

Исторически сложившаяся система базовых формальных и неформальных институтов образует *институциональную матрицу* народа. Отражая своеобразие связей в данном социуме, она, как никакой другой инструмент, содержит необходимый материал для прогнозирования будущей эволюции общественных структур любого уровня и позволяет выработать национальную политику, соответствующую как национальным целям, так и специфике глобальных процессов.

Построение институциональных матриц народов мира не только возможно теоретически, но и практически целесообразно. Оно способно приблизить нас к ответу на принципиальный вопрос для понимания общей эволюции человечества: имеет ли каждое общество собственную институциональную матрицу – и, соответственно, свой уникальный путь исторического развития, либо же есть некая общая для всех стран матрица, или их всего несколько типов? От ответа на эти вопросы – несмотря на то, что на данном этапе развития науки они будут носить предположительный характер, так как теории, проверенной практикой, еще не создано, – во многом зависит оценка перспектив процессов глобализации.

Мы оттолкнемся от гипотезы, предложенной институциональной теорией, согласно которой все многообразие институтов в разных государствах в разные исторические эпохи можно представить в двух в значительной степени противоположных типах институциональных матриц, которые соответствуют двум отличающимся друг от друга основным типам историко-экономических систем. Обозначим их как *матрица восточная* и *матрица западная* [Кирдина 2000: 24].

Для западной матрицы характерны следующие черты: активное развитие институтов рыночной экономики; утверждение института частной собственности; конкуренция между участниками рынка; образование институтов гражданского общества; государственное строительство на основе самоуправления народа и выборов; партии как основной политической механизм, выражающий интересы разных групп населения; уважение общества к закону и существование независимой судебной системы; преобладание индивидуальных ценностей над коллективными; понимание свободы как основополагающей общественной ценности; отказ от стремления к насильственному социальному равенству. Данный набор характеристик, как и любая другая схема, не является полным; действительность всегда сложнее теоретических построений. Предложенное описание представляет собой всего лишь некую «идеальную модель», задача которой не в том, чтобы полностью раскрыть суть данной модели, а в том, чтобы подчеркнуть ее отличие от прочих вариантов.

В отличие от западной в социумах с восточной матрицей государство построено на унитарно-централизованном принципе [Нуреев 2014: 73]; приоритетными

и доминирующими являются ценности надличностные – коллективные и государственные, которые почти всецело подчиняют себе ценности личностные; общество живет по принципу «личное – ничто перед государственным и коллективным» [Васильев 1976: 52–83]; в общественном сознании и на практике существует стремление к насильственному выравниванию и усреднению общества. Хозяйственная жизнь таких социумов характеризуется ограничением рыночных отношений и господством механизмов нерыночных, распределительных, индуцированных или санкционированных государством. Всевластие государства как стержня этой модели развития – отличительная черта восточной матрицы: государство и есть та сила, которая определяет направление и характер динамики всех общественных процессов. Государственная собственность есть экономическая основа этой матричной группы; система хозяйственного управления базируется на административных нормах и правилах, через властные органы осуществляется движение ценностей и услуг, прав по их производству и использованию. Главная цель экономической деятельности заключается в том, чтобы обеспечить развитие преимущественно (а часто и исключительно) только тех секторов, субъектов и объектов хозяйства, которые способствуют решению целей и задач, поставленных государством. В государственно-политической сфере доминируют институты централизованного политического устройства, и территориальные единицы не рассматриваются центром как самостоятельные в политическом отношении структуры; при принятии государственных решений определяющим является не демократический принцип учета мнений большинства, а принцип единогласия [Китайская... 1989: 61–93].

Какая же из двух матриц более соответствует российской истории? Каких институциональных характеристик – западных или восточных – больше в институциональной историко-экономической картине России? Представляется правильным следующий подход: хотя в российской истории представлены и взаимодействуют институты обеих матриц, вполне отчетливо прослеживается доминирование восточной матрицы, которая и определяет рамки действия отдельных привнесенных западных институтов. В разные периоды истории количественное и качественное соотношение западных и восточных институтов в матричном «портрете» России могло быть различным. Однако это не приводило к принципиальным сдвигам в их общем балансе.

Почему для России характерна именно восточная матрица? От чего зависит то, институты какой матрицы будут преобладать в данном обществе? Похоже, что с точки зрения практического применения институциональной теории это и есть самый фундаментальный вопрос: что является этим ключевым институтом, базовым элементом институциональных матриц, главным звеном, от которого в наибольшей степени зависят темпы и характер развития страны? И есть ли вообще такое главное звено? Или же всякий раз действует некая новая совокупность факторов, сочетание которых также всегда происходит по-разному, что делает научный анализ весьма затруднительным или почти невозможным?

1. По нашему мнению, такой ключевой институт определенно есть. Доминантой институциональной матрицы является *национальный менталитет*, то есть совокупность умственных, эмоциональных, культурных особенностей, ценностных ориентаций, присущих данной этнической группе. Менталитет, темперамент, психология людей определяют и определяют способ их реагирования на внешний

мир, любые нормы взаимоотношений людей, от бытового до государственного уровня. Они запечатлены в неформальных правилах, часть которых может получить в будущем статус формальных институтов. Именно природа человека, его мировоззрение, отношение к себе и миру, поставленные цели и задачи, способности и готовность проявить волю и действовать для их реализации и есть главный фактор развития. Отметим, что данный подход не нов. Об исключительной важности психологического фактора для национальной истории много писали зарубежные ученые, в частности представители немецкой исторической школы, и отечественные, такие как В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский. В новейшей научной литературе отметим яркую статью И. Р. Монаховой, дающей откровенный анализ некоторых базовых параметров российского менталитета [Монахова 2011]. Национальный менталитет, продукт продолжительной эволюции общества, влияет на все текущие процессы и предопределяет их характер, динамику и направление в будущем. В этом отношении вряд ли можно согласиться с Карлом Полањи, утверждавшим, что попытка вывести законы рыночной экономики (частный случай общей суммы законов развития человеческого общества) из природы человека являются утопичными [Нуреев 2014: 53].

Если признать, что ведущий фактор развития социума – *это национальная психология, национальный менталитет, характер и темперамент*, то определение того, что входит в набор психологических характеристик российских народов и народностей, становится важнейшей задачей для исследователей, стремящихся понять сущность и особенности российского варианта развития. Однако при исследовании этой проблемы возникают значительные сложности. Известно, что Российское государство изначально формировалось как многонациональное: уже в XV в., к началу складывания централизованного государства, на Руси проживали разные народы, в их числе ханты, манси, карелы, мордва и др. Собрание русских земель вокруг Москвы завершил Василий III, присоединив к Москве в 1520 г. последнее формально свободное, а фактически давно зависимое от Москвы Рязанское княжество. На землях, присоединенных к Москве позже этого срока, проживали преимущественно другие народы. К началу XX в. Россия стала «домом» для более чем ста наций, народов и народностей [Нуреев 2016].

Кто из них стал первоосновой для общегосударственной ментальности? Соглашаясь с возможными упреками в неполноте и, следовательно, в относительно-сти дальнейшего анализа, отметим, что выбор, тем не менее, с необходимостью должен быть сделан. За основу возьмем национальную психологию русского народа как государствообразующего на протяжении всей истории нашей страны.

1. *Община, общинный порядок и мироустройство.* Русская ментальность, в том числе и экономическая, характеризуется прежде всего как общинная, рассматривающая человека как часть коллектива.

Община – общественно-производственное объединение крестьян на началах самоуправления, самоорганизации, взаимопомощи и совместного владения землей – оказала исключительное влияние на развитие всей жизни страны на протяжении ее многовековой истории. Возникновение общины было предопределено природно-климатическими условиями, в которых жил и трудился русский народ, формами ведения сельского хозяйства, демографическими факторами [Быховский 1917: 8]. Перелог, подсечно-огневое хозяйство требовали от восточных славян, заселивших Восточноевропейскую равнину, коллективных действий; постепен-

ный переход к более эффективным аграрным технологиям – двуполью, а затем к трехпольному земледелию – не исключил существования крестьянской общины. Продвигаясь на север, колонизируя пустующие и не очень плодородные земли, общинники постепенно вторглись на территории, которые позже будут названы зоной рискованного земледелия. Громадные пространства, на которых проживало незначительное число людей, формировали у них стремление к единению: лишь объединяясь в сообщества, человек мог выжить в данной ему суровой природно-климатической среде.

Активное изучение древней общины начинается, впрочем, лишь в XIX в. Итогом стали разные ее оценки – от восторга и преклонения до критического отношения к ней и даже ее полного неприятия. Община, утверждали одни исследователи, способствовала общественному процветанию, защищала народные интересы, упорядочивала личную свободу крестьян [Лешков 1856: 99]. Чрезмерное увлечение общиной зашло слишком далеко, возражали другие, необоснованно усматривать в ней высшее, наиболее отрадное создание народного гения [Бржеский 1899: 2]. Но принципиально важно то, что именно община признавалась всеми исследователями в качестве фундамента народной жизни, колыбели всего, что называется Русью [Лешков 1856: 68].

Наиболее рельефно традиционное общинное мироустройство характеризуют народные пословицы и поговорки, в кратких формулах дающие некое сущностное обобщение процессов, которые происходят в обществе. К пословицам и поговоркам мы будем обращаться для иллюстрации наших предположений и выводов.

Хозяйственная деятельность общинника как ряд сложных взаимодействий и компромиссов с крестьянским миром во многом определялась его чувствами и потребностями. Уже в XIX в. было показано, что «мужицкая психика», являясь значительным фактором общинной жизни [Пословицы... 1993: 44], способствовала длительному существованию общины в России, в отличие от Запада, где общинный быт и общинное сознание также существовали, но быстро исчезли [Быховский 1917: 15].

Психологические характеристики, вытекающие из общинного труда и быта, определили основные параметры русской ментальной матрицы.

Суть общинного быта заключалась в равном праве на землю всех членов общества пропорционально их рабочим силам; но земля, однажды разверстанная, возделывалась каждым ее владельцем отдельно. Принципы общинного труда, как это ни странно, не были в обычае у русского крестьянства, крестьяне избегали работы сообща [Васильчиков 1858: 58]. «На чужой лошадке не наездишься», – говорил народ и иронически добавлял: «Давай жить сообща: ты купишь, а мы есть станем», «вы, братцы, помолотите, а мы поедим» [Пословицы... 1993: 616–622]. Однако стремление членов общины к хозяйственной и правовой самостоятельности вовсе не означало достижение ее на практике: условия, связанные с общинным владением земель, были неблагоприятными для развития частного крестьянского хозяйства и не содействовали формированию духа индивидуализма и предпринимательства; напротив, общинный уклад отрицал индивидуализм и права личности [Бржеский 1899: 5, 6, 21].

Не личность, а община-мир понималась как высшая ценность и сила: «на миру и смерть красна», «хоть позади, да в том же стаде», – говорил народ. Мир стоял несоизмеримо выше любого человека: «какой большой человек ни приди, а

мир его победит», «мир – сила; и рад бы от нее отбиться, да сробеешь», «с миром не поспоришь» и «мир не перетянешь» [Первая... 1905: 180–185]. Отрицание личности одного человека и его прав на самостоятельность и непохожесть на других; стремление быть как все, не высовываться составляют важнейшие параметры общинной жизни: «голдить, так всем голдить; а одному голдить, так пропадешь». Личность приносилась в жертву общинному началу. Типичным было бессилие и бесправие отдельного крестьянина перед лицом сельского схода, решения которого могли быть и несправедливыми, и безответственными. Ситуации, когда коллектив отступал перед личностью, были редчайшим исключением [Бржеский 1899: VIII, IX, X].

Традиции коллективизма естественным образом способствовали развитию у народа склонности к смирению, вырабатывая безропотную покорность судьбе – «попал в стаю, лай не лай, а хвостом виляй, а то заедят», «в миру по-своему ничего не рассчиташь», «в миру ни за что поручиться нельзя». Следствием такого положения вещей стало подчинение чужой силе, в том числе силе государства; преклонение перед начальством – перед должностью и властью вообще, а не перед личностью [Пословицы... 1993: 180–185, 628]. Одновременно в сознание людей глубоко внедрилось понятие «мне должны», так как я «свой», я – член общины, я связан со всеми круговой порукой.

Круговая порука – важнейший организационный принцип общины. Производная от духа коллективизма в народной жизни, она парадоксальным образом соединялась с разобщенностью людей [Лешков 1856: 123]. Трудовая и социально-культурная кооперация внутри мира, разумеется, была, но нельзя не заметить ее часто вынужденный, вытекающий из трудных условий существования, принудительный, а не добровольный характер. Явно же выраженной потребности в объединении и кооперации не было. «Хватайся сам за доску, пускай другой тонет», – говорил народ, – «мне что до кого? было б мне хорошо», «что мне до других? да пропадай хоть и свои», «чужая слеза – вода», «ешь чужие пироги, а свои вперед береги». Объяснить подобное положение можно тем, что при общинном владении личные интересы членов общины были большей частью противоположны интересам всего сообщества, обычными были противоречия и соперничество между отдельными домохозяевами [Иванов 1858: 615, 616]. На уровне агротехническом это выражалось в том, что никто не желал тратить свои силы, средства, труд и время на улучшение той земли, которая в результате передела могла перейти во владение соседа [Там же: 616–625]. Возможно, именно эта атомизация общества и была той главной проблемой, которая порождала многие другие негативные следствия и в значительной степени предопределила ход русской истории.

Внутри общины за коллективизмом и разобщенностью легко скрывались неорганизованность и отсутствие личной ответственности: «вали на мир – мир все снесет», «в миру виноватого не сыщешь», «друг на дружку, а все на Петрушку» [Пословицы... 1993: 180–185].

Общинный уклад был напрямую связан и с отношением людей к законам. В общине – большой семье – законы не работали: она как элемент традиционного общества жила не по закону, а по обычаям и понятиям: «нужда закона не знает», «на мир и суда нет», «хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили», «где закон, там и обида», «если бы не закон, не было бы и преступника», «что мне законы, коли судьи знакомы», – повторял народ [Там же: 324, 328, 473,

474]. Сформировалась привычка обходить и нарушать закон; и, как справедливо было замечено, «нельзя ожидать уважения к закону от тех, кто привык обходить без закона» [Быховский 1917: 24–25].

Вместо повиновения закону община покорялась воле вожака – «чье поле, того и воля»; частым следствием этого был высокий уровень бытового насилия: «бей своих – чужие будут бояться», «пьем да людей бьем: знай наших, поминай своих» [Пословицы... 1993: 492, 505]. Внутри общины каждый был вынужден разбираться со своими проблемами сам, защита стала делом индивидуальным, а не социальным и не правовым.

Общинное мышление и образ жизни почти не оставляли места для индивидуальной хозяйственной предприимчивости и рациональной организации труда, легко приводили к слиянию труда и отдыха, когда труд привычно сопровождался выпивкой – «не спрашивай: пьет ли, спрашивай: каков во хмелю». Общинный порядок нивелировал экономический уровень крестьянства: община, насаждая равенство, поддерживала бедняка, спасая его от окончательного разорения, и принуждала беспечных крестьян к ведению хозяйства; одновременно она связывала руки людям энергичным, предприимчивым и в силу этого более богатым, чем их соседи [Там же: 32]. Заведомо низкая ожидаемая хозяйственная эффективность – «вкалывай, не вкалывай, а результат ничтожный» – также негативно влияла на отношение к труду всех общинников. Итак, общинный быт позволял выживать, но не благоприятствовал хозяйственным успехам.

В этих условиях формирование независимой и активной личности было скорее исключением, чем правилом, а среди жителей общины «хозяева замечательные» – самостоятельные и энергичные – были чрезвычайно редки [Фуллер, Томпсон 1960: 309]. Неудивительно, что многим членам общины были свойственны пассивность, расчет на поддержку коллектива, который не даст человеку погибнуть, склонность к лени: «лень прежде нас родилась», «я еще в пеленках, а лень моя уже с теленка», «послал Бог работу, да отнял черт охоту», «худое житье – встань, побеги; хорошее – ляг, полежи» [Русская... 2013: 340]. Конечно, народ не мог не осознавать разницу между трудолюбием и ленью, признавал, что «труд человека кормит, а лень портит», «где работно, там и густо, а в ленивом доме пусто», «станешь лениться, будешь с сумой волочиться», «терпенье и труд все перетрут», «спать долго – жить с долгом», «не сиди сложа руки, так и не будет скуки!», «чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть» [Пословицы... 1993: 386, 389, 392, 394, 395, 396, 398, 400, 403]. Конечно, коллектив осуждал своих нерадивых членов, старался по возможности привлечь их к труду. Однако очевидно, что если бы терпимое отношение к лени было представлено лишь единичными примерами, оно не закрепилось бы в многочисленных пословицах и поговорках.

Экономически неэффективный общинный уклад делал почти невозможным честное накопление богатства. Отсюда понятно и особое отношение народа к богатству и собственности: вся собственность, думали люди, обычно складывается из «выпросил» или «обобрал», в лучшем случае «подарили» или «наследовал», поэтому богатые люди – все сплошь жулики, быть богатым и честным одновременно нельзя, невозможно: «трудом праведным не наживешь палат каменных», «с топора не богатеют, а горбатеют», и не удивляйся, что результатом твоего труда будет не богатство, а болезни – «уходили сивку крутые горки» [Там же: 405, 406]. Накопительство и собственность рассматриваются народом скорее не как положитель-

ные, а как отрицательные ценности, жадность и скупость в крестьянском обществе всегда осуждались [Русская... 2013: 83].

Не сформировалось в общине и четкого понятия о частной собственности. В условиях, когда у крестьянства, составлявшего подавляющую часть населения страны, сложилось убеждение, что земля, которой пользуется каждый человек в отдельности, принадлежит не ему, а всему крестьянскому миру – «земля ничья – земля божья», и что право собственности распространяется не на саму землю, а лишь на ее плоды [Быховский 1917: 8, 9], формирование четких понятий о собственности, будь то общинной или частной, было затруднено. К такому выводу пришли исследователи общинного быта еще в XVIII в. [Бутовский 1858: 23]. Народ не отрицал чужую собственность полностью: «не разводи усок на чужой кусок» и «не твоя чаша, не тебе и пить», но у него не было четкого деления на «твое» и «мое»: «на чужое добро руки чешутся» и «не украд, а так взял» [Пословицы... 1993: 618]. Отчасти это можно объяснить тем, что русская община представляла собой остаток первобытной общины с коллективным владением ее главным богатством людей – землей [Иванишев 2008: 39].

2. *Поведенческие характеристики русского народа.* Крепкие общинные традиции и общинное поведение являлись препятствием для развития частной собственности крестьян на землю и после отмены крепостного права. Собранные в 1870–1880-х гг. правительственные и земские материалы показывают, что хозяйственная деятельность пореформенной общины дала отрицательные результаты. Если в общине дореформенной, как правило, не было крестьян ни зажиточных, ни совершенно бедствующих, то в общине пореформенной обозначились внутреннее имущественное расслоение и необеспеченность земельных и податных прав членов общины перед произволом сельского схода, то есть лицом самой общины. Исследования свидетельствовали о том, что «пьяницы и ленивые хозяева много земли продают», «друг у друга полосы распахивают, и на это обществу нельзя жаловаться», «сильные домохозяйства отбивают землю у слабых» [Воронцов 1892]. Община не была заинтересована в том, чтобы заботиться о своих членах. Она скорее поддерживала беспечность и покровительствовала несправедливости, в силу чего личность крестьянина в очередной раз была принесена в жертву общинному началу [Бржеский 1899: 5, 6, 21]. Таким образом, общинное владение и в пореформенный период оказалось столь же вредным для хозяйственной деятельности, как и ранее [Иванов 1858: 616–625].

Однако крестьяне не стремились заменить общинный миропорядок чем-то другим: привычка к общинному укладу была слишком сильной. Желание жить по заведенным правилам, предпочтение своего старого чужому новому, боязнь и активное неприятие практически любых нововведений – все это может быть названо в числе важнейших характеристик, присущих традиционному крестьянскому поведению. Если же кто-то вдруг желал, проявляя талант и импровизацию, коренным образом перестроить «мир вокруг себя», то, легко загораясь, он часто так же быстро гас, встречаясь с препятствиями социального или бытового характера. Непредсказуемый даже для самого себя, он возлагал надежду на то, что все само собой образуется [Ильин 1934: 8–16]. Недостаток инициативы порождал необходимость постоянного принуждения со стороны начальства. Для альтернативных вариантов развития просто не существовало необходимых условий.

Общинные порядки воздействовали на ментальные структуры, но и последнее, в свою очередь, формировало общинный уклад. Далеко не все ментальные характеристики можно вывести из общинного уклада жизни, между некоторыми из них и повседневным образом жизни связь скорее обратная. Среди таких «первичных» психологических характеристик отметим максимализм, когда воспринятые обществом идеи доводятся до крайности; отношение людей к успеху, который обыкновенно трактуется как следствие везения, а не как итог длительных целенаправленных собственных усилий для достижения поставленной цели. Свобода понимается не как самостоятельность и независимость, а как вседозволенность, возможность делать то, что хочешь. Другие характеристики данной психологической матрицы – эмоциональная восприимчивость, впечатлительность, внушаемость, доверчивость, преобладание образного мышления над логическим, что не в последней степени определяет внутренние способности народа к саморазвитию.

Некоторые ментальные и поведенческие характеристики русского народа принято выводить из географического фактора и особенностей природной среды обитания. К ним можно отнести ощущение временности всего, равнодушие к условиям жизни, небрежность, халатность, беспечность, расточительность; восприятие окружающего мира как несовершенного и временного, в результате чего все помыслы людей устремлены в будущее или в прошлое. Поэтому конкретная практическая работа по улучшению жизни часто отходила на второй план, уступая место умозрительным поискам смысла жизни. В число сильных сторон психологической матрицы, «заложенных» природой страны, входят способность русского народа к значительным нагрузкам и перегрузкам: русский человек знал, что «природа отпускает ему мало удобного времени для земледельческого труда, он приучился пусть и к кратковременному, но к чрезмерному напряжению своих сил» [Ключевский 1904: 385–386]; стойкость, долготерпение, выносливость.

Среди других важнейших свойств национального характера исследователи отмечают уживчивость, национальную и религиозную терпимость, патриотизм, самоотверженность, способность к самопожертвованию [Манасеин 1877: 71, 72], отзывчивость, чуткость, беспечность, добродушие, доверчивость, склонность к созерцательности и к мечтам о безусловной справедливости [Ильин 1934: 273, 280]. Но полный и психологически верный портрет русской ментальности, наличие которого, возможно, позволило бы ответить на многие спорные вопросы нашей истории, пока не составлен.

На протяжении всей русской истории вплоть до настоящего времени именно национальная ментальность, темперамент, психология были самыми мощными факторами, влиявшими на хозяйственное развитие России. Общинные понятия не просто важны, они составляли почти всю массу умственных воззрений русского народа, утверждали исследователи, общинными нормами проникнуто мышление русского человека. По утверждению И. Каблицы, кодекс его нравственности составляется из общинных принципов; общинные инстинкты у русского человека всасываются с молоком матери, а вследствие этого, куда бы ни занесла его судьба, он проявит везде общинные наклонности [Каблиц 1995]. Они проявятся в определенных поведенческих характеристиках, а те, в свою очередь, зададут вектор социально-экономического и политико-идеологического развития страны.

3. *Психологические институциональные ловушки.* В русской экономической ментальности, как, впрочем, и в ментальности любого другого народа, можно выделить элементы разной глубины. Принципиально важным является то, что некоторые из них способны к изменениям, и даже довольно быстрым, другие меняются медленно, третьи не меняются вообще. Каждая из групп различным образом влияет на мироощущение, быт, нравы народа. Те устойчивые характеристики, которые менялись очень медленно либо не менялись вовсе, определим как психологические институциональные ловушки. Именно эти устойчивые и распространенные образцы мышления, запечатленные в привычках, традициях, обычаях народа, вновь и вновь заставляют людей воспроизводить образцы поведения, переходящие от поколения к поколению; часто именно они оказываются нерациональными и неэффективными в изменившихся условиях. Ментальные «ловушки» неизбежно порождают реальные «институциональные ловушки», воплощенные в конкретных явлениях практической жизни.

В неоинституциональной теории понятие «*институциональная ловушка*» [Нуреев 2014: 69, 111, 273–278] обычно трактуется как неэффективная норма/институт, имеющая устойчивый и самоподдерживающийся характер; ее жизнеспособность вытекает из всего предшествующего пути развития, заставляющего общество воспроизводить вновь и вновь уже пройденный когда-то путь (эффект «колеи», “path dependence”). При сильной «врожденной» зависимости общества от исторического прошлого даже осязаемое внешнее воздействие на систему не способно перевести ее на «новые рельсы»; общество с большой вероятностью будет «ходить по кругу», повторяя свои ошибки.

Одно из серьезных последствий «институциональных ловушек» заключается в том, что они препятствуют долгосрочному экономическому росту [Его же 2015]. Практические «ловушки» российского бытия проявляются, в частности, в существовании значительной теневой экономики, нарушении режима свободной конкуренции, мошенничестве в торговле, устойчивом стремлении уклониться от налогов, масштабной коррупции, частом неисполнении добровольно заключаемых контрактов, принуждении к сделкам, в рейдерских захватах. Эти характеристики отчетливо прослеживаются уже с XVI–XVII вв. Очевидно, что исключение из хозяйственной и социальной жизни этих явлений или, что более вероятно, сужение сферы их действия позволило бы придать обществу оптимально возможную траекторию движения и ускорить его развитие.

Выполнима ли эта задача? Ответ – да: при условии, что реформирование страны будет начато с реформирования национальной психологии, с совершенствования первичных ментальных структур, в результате чего удельный вес «тормозящих» ментальных элементов и их влияние будут ограничены.

Однако для выполнения этой задачи необходимо знать, чем определяется и под влиянием каких обстоятельств эволюционирует национальная психологическая матрица.

4. *Ментальность, поведение, генетика.* Долгое время было принято считать, что в отличие от эволюции биологической, где происходит прямое наследование признаков родителей, в социальной эволюции навыки, умения, знания и опыт, образцы поведения не передаются по наследству, а усваиваются в ходе воспитания и обучения в социальных организациях и группах. Однако последние исследования показывают, что это не совсем так: установлено, что поведенческие

навыки, так же как и биологические характеристики, закрепляются в геноме и, следовательно, передаются по наследству.

Разумеется, нельзя забывать о важной роли окружающей среды; через разумную систему воспитания и образования можно, как показывает практика, обеспечить появление и закрепление прогрессивных форм экономической, политической и социальной жизни. Однако во многих случаях влияние внешних факторов оказывается не абсолютным и далеко не полным. Огромный вклад в развитие человеческой личности вносит генетика.

Взаимоотношения между генами и поведением могут быть крайне сложными и причудливыми, однако они, безусловно, есть. О влиянии генов в целом на человеческое поведение, темперамент и индивидуальные пристрастия известно уже давно [Соловьев 2008: 83]. Вместе эти два фактора – генетический и социальный, врожденный и средовой – оказывают существенное влияние на менталитет, характер и поведение человека [Марков 2010]. Важно, что в случае, если условия среды одинаковы для всех, на первый план выходят именно генетические различия [Кондратенко].

Данные генетики и нейробиологии со всей очевидностью указывают на взаимосвязь генетики и поведения в сфере семейных и общественных взаимоотношениях: установлено, что существуют определенные молекулярные механизмы регуляции социального поведения и личных отношений, которые – и это представляется значимым фактом – почти не менялись на протяжении всей истории человечества. Гены во многом определяют потребность человека в новой информации, его способность к ее обработке, влияют на такие чувства, как страх; влияют на особенности общения с другими людьми. Гены ответственны за степень доверчивости, в том числе за ситуацию, когда доверчивость становится чрезмерной: люди продолжают слепо доверять партнеру даже после того, как он их предал, и перестают бояться, что их обманут вновь [Марков 2008а].

Показано, что такие важные для функционирования общества личностные характеристики, как склонность к альтруизму и кооперативному поведению, в значительной степени определяются наследственностью, а не воспитанием или жизненным опытом [Его же 2008б]. Наследственными, пусть и не всецело, являются даже такие свойства личности, как благодарность и щедрость. Между определенными вариантами определенных генов и готовностью людей поделиться ценными ресурсами, например деньгами, с незнакомцем существует прямая связь [Его же 2009]. Даже количество друзей у человека определяется конкретной комбинацией конкретных генов. Установлены определенные варианты гена, ответственного за склонность людей к авантюризму, риску, поиску новых ощущений, за пристрастие к алкоголю, азартным играм, импульсивность и гиперактивность [Его же 2010].

Исследования показывают, что склонность человека к тем или иным политическим взглядам также больше зависит от его наследственности, чем от воспитания, личного опыта или рассудочных умозаключений. Существует прямая корреляция между политическими предпочтениями и определенными физиологическими параметрами. Показано, что склонность людей вступать в те или иные политические партии отчасти именно наследуется, поэтому результаты выборов могут в известной мере – на треть! – зависеть от генотипа голосующих [Его же 2008в]. Это служит неплохим объяснением того, почему люди склонны упорно

отстаивать свои убеждения и почему так нелегко достичь политического согласия в обществе. Современным генетикам удалось получить убедительные доказательства наследуемости и других важных личностных характеристик, проявляющих себя в повседневной жизни, когда приходится решать задачи «политического» характера, а именно: как вести себя с разными людьми в зависимости от их положения в общественной иерархии; как повысить свой собственный статус в этой иерархии; с кем заключить альянс и против кого [Марков 2008а].

Однако существует и обратное влияние поведения на работу генов и их эволюцию. Известно, что поведенческий признак, изначально появившийся в результате прижизненного обучения, со временем может стать инстинктивным (врожденным) – изменившееся поведение будет «вписано» в генотип: обучение направляет эволюцию.

О возможности передачи особенностей поведения от родителей к потомкам также было известно давно, и последние исследования подтверждают эти наблюдения. Взаимоотношения с сородичами могут приводить к долговременным устойчивым изменениям экспрессии генов в мозге, причем эти изменения далее могут передаваться из поколения в поколение, то есть наследоваться. Установлено также, что ограниченность числа допустимых «мутационных траекторий» делает эволюцию предопределенным и предсказуемым процессом. Не исключено, таким образом, что пути эволюции, в том числе общественной и экономической, в некотором роде предопределены на молекулярном уровне [Его же 2006].

Подведем итоги. Институциональная матрица, отражающая социально-экономическое, политическое, культурное развитие русского, как и любого другого народа, во многом задана его национальной ментальностью, которая, в свою очередь, в значительной степени определяется его генетическими особенностями. Ученым-обществоведам пора объединить свои усилия с эволюционными психологами, нейробиологами и специалистами по генетике поведения. Эти и другие науки о человеке могут дать ответы на вопросы, знание которых жизненно необходимо для понимания законов развития нашей страны и всего мирового сообщества. И если судьба народа действительно сокрыта в его истории, которая таит в себе не только его прошлое, но и его будущее [Ильин 1934: 16], то прочесть эту таинственную запись можно лишь с помощью междисциплинарного и комплексного научного знания.

Литература

Бржеский Н. К. Общинный быт и хозяйственная необеспеченность крестьян: [По поводу предстоящего пересмотра крестьянских положений]: Исслед. Ник. Бржеского, д-ра фин. права. СПб., 1899.

Бутовский А. Н. Общинное владение и собственность // Русский вестник. 1858. № 13. 10-я кн. «Сельского благоустройства» за 1858 г.

Быховский Н. Я. Русская община и земельная реформа. М., 1917.

Васильев Л. С. Некоторые особенности системы мышления, поведения и психологии в традиционном Китае // Китай: традиции и современность: сб. ст. / под ред. Л. П. Делюсина. М., 1976.

Васильчиков А. И. Община против коммунизма // Сельское благоустройство. 1858. Кн. 12.

Воронцов В. П. [В. В.]. Крестьянская община // Итоги экономического исследования России (по данным земской статистики). Т. 1. М., 1892.

Иванишев Н. Д. О древних сельских общинах в Юго-Западной Руси // Русская крестьянская община Поволжья в 1861–1900 годы / под ред. В. А. Динеса. Саратов, 2008.

Иванов С. Поземельная собственность и общинное владение // Русский вестник. 1858. № 16.

Ильин И. А. О России: три речи. 1926–1933. София, 1934.

Каблиц И. И. За общинные и артельные порядки // Экономика русской цивилизации / сост. О. А. Платонов. М.: Родник. 1995.

Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000.

Китайская Народная Республика. Справочник. М., 1989.

Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1904. Ч. 1.

Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

Кондратенко Ю. Наследуемость успехов в учебе определяется не только интеллектом [Электронный ресурс] : Элементы. URL: <http://elementy.ru/news/432343>.

Лешков В. Н. Общинный быт древней России. СПб., 1856.

Манасеин В. А. О значении психических влияний. СПб., 1877.

Марков А. Пути эволюции предопределены на молекулярном уровне. 2006. [Электронный ресурс] : Элементы. URL: <http://elementy.ru/news/430196>.

Марков А. Гены управляют поведением, а поведение – генами. 2008а [Электронный ресурс] : Элементы. URL: <http://elementy.ru/news/430913>.

Марков А. Доверчивость и благодарность – наследственные признаки. 2008б [Электронный ресурс] : Элементы. URL: <http://elementy.ru/news/430688>.

Марков А. Политические убеждения зависят от пугливости. 2008в [Электронный ресурс] : Элементы. URL: <http://elementy.ru/news/430852>.

Марков А. Найден ген, влияющий на склонность к добрым поступкам. 2009 [Электронный ресурс] : Элементы. URL: <http://elementy.ru/news/431083>.

Марков А. «Ген авантюризма» чаще встречается у охотников-собирателей, чем у земледельцев. 2010 [Электронный ресурс] : Элементы. URL: <http://elementy.ru/news/431393>.

Марков А. Политические взгляды зависят не только от генов, но и от количества друзей. 2010 [Электронный ресурс] : Элементы. URL: <http://elementy.ru/news/431448>.

Монахова И. Р. Российский менталитет в свете глобальных вызовов – вечных и современных // Век глобализации. 2011. № 2(8). С. 150–162.

Нуреев Р. М. Очерки по истории институционализма. 2-е изд. Ростов н/Д., 2014.

Нуреев Р. М. Россия: особенности институционального развития. М., 2015.

Нуреев Р. М., Латов Ю. В. Экономическая история России (опыт институционального анализа): уч. пособ. М., 2016.

Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. СПб., 1905. Т. II. Табл. XIII.

Пословицы русского народа: сб. В. Даля: в 3 т. М., 1993.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л., 1937–1949. Т. 11.

Русская община с древнейших времен до начала XX в. / сост., авт. предисл., отв. ред. О. А. Платонов. М., 2013.

Соловьев В. Ю. Русская крестьянская община Поволжья в 1861–1900 годы. Саратов, 2008.

Фуллер Дж., Томпсон У. Генетика поведения. 1960 [Электронный ресурс]. URL: <http://groh.ru/gro/zorina/zorina8.html>.

Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные разломы глобального мира // Век глобализации. 2015. № 2(16). С. 35–47.